

Дискурсы этики. 2022, 2(14): 27—44

ISSN 2311-570X (online)

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2022/12/DE2022_2_14_27-44.pdf

УДК 17

ЦЕННОСТНЫЙ КОНФЛИКТ КАК ИСТОЧНИК ТВОРЧЕСТВА

Янушевская Е. В.

статья:

поступила в редакцию 13.08.2022

принята к публикации 10.10.2022

опубликована (онлайн) 25.12.2022

© Янушевская Елена Валериевна

кандидат философских наук, старший преподаватель

старший преподаватель каф. философии

гуманитарных факультетов философского факультета

Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

адрес для корреспонденции: yelena.yanushevskaya@gmail.com

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация. Несмотря на значительную историю изучения, вопрос об источнике творчества и на современном этапе развития знаний о человеке не имеет однозначного ответа. В то же время нельзя недооценивать перспективность его исследования для расширения духовных возможностей. Философское осмысление источника творчества своей целью имеет определение условий, порождающих творческий импульс, единый по своей сути для любой формы творчества (наука, искусство, нравственное познание, практика). В самом общем смысле в статье с ним соотносится проблема, решение которой инициирует творческий акт. В качестве противоречия, категорически

требующего разрешения, определен ценностный конфликт: каждая ценность, согласно ее пониманию в классической аксиологии, обладает абсолютным значением и требует своей реализации здесь и сейчас.

Ключевые слова: творчество, ценность, ценностный конфликт, сознание, возможное, культура, классическая аксиология, философская антропология, философия культуры, психология, искусственный интеллект, технократическое общество

Discourses of Ethics. 2022, 2(14): 27—44

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2022/12/DE2022_2_14_27-44.pdf

VALUE CONFLICT AS A SOURCE OF CREATIVITY

Yanushevskaya Yelena

received 13.08.2022

accepted 10.10.2022

published (online) 25.12.2022

© Yelena V. Yanushevskaya

PhD (Philosophy), Senior Lecturer

Senior Lecturer Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Correspondence to: yelena.yanushevskaya@gmail.com

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract: Despite the centuries-old history of the study, the question of the source of creativity has no answer still now. At the same time, we should not underestimate the prospects of its definition for the development of spiritual possibilities. The study of the value conflict as a source of creativity has as its subject the definition of the conditions that generate the creative impulse, which is the same in its essence for any form of creativity (science, art, moral knowledge, practice). In the most general sense, it is related to the problem, the solution of which initiates the creative act — a contradiction that the individual cannot leave unresolved. As such a form of contradiction that categorically requires resolution, a value conflict is defined: each value, according to its understanding in classical

axiology, has an absolute value and requires its implementation here and now in practice.

Keywords: creativity, value, value conflict, mind, possible, culture, classical axiology, philosophical anthropology, philosophy of culture, psychology, artificial intellect, technocratic society

Понимание творчества в технократическом обществе

Несмотря на глубокое осмысление творчества в европейской философии (в чем его сущность, метафизические, социальные, психологические, нравственные истоки и биологическая основа), проблема эта не утратила своей актуальности по сей день. Западная цивилизация и мир в целом переживает невиданное прежде социальное обновление — изменяются и представления об идеальной «человечности», о предназначении и возможностях человека. Мы наблюдаем новый всплеск интереса к феномену творчества в когнитивных науках, в гуманитарном познании, в междисциплинарном изучении головного мозга. Американский ученый Митио Каку на основе подобных исследований делает вывод при этом, что сущность разума заключается не в логическом интеллекте, а в способности к воображению: именно способность представлять себя в будущем и мысленно формировать в нем события со своим участием — видовое отличие человека разумного¹. В то же время именно «кодировка» продуктивного воображения, основы художественного мышления, составляет наибольшую сложность для разработчиков искусственного интеллекта.

Закономерным следствием технократизма, отличающего актуальные подходы к пониманию мира и места в нем человека, становятся эпатирующие прогнозы о надвигающейся конкуренции человека и нейросети в будущем. Энтузиасты взволнованно ожидают осуществление не только вполне реализуемой возможности записывать сны, но и гораздо большего: еще немного, еще чуть-чуть, и нейросеть

---

¹ Характерные высказывания М. Каку об интеллекте в его книге «Будущее разума»: «... в новой парадигме интеллект следует определять по сложности и полноте доступного индивиду моделирования будущего» [Каку 2019, 97]; «Наш мозг постоянно проводит мысленные эксперименты, и воображение — одно из важнейших достижений Человека» [Каку 2019, 242].

научится писать романы... Создаст ли при этом искусственный интеллект нечто, сопоставимое по уровню литературного мастерства с «Братьями Карамазовыми» или «Доктором Фаустусом», — этот вопрос остается открытым, но есть сведения, что пока он ограничивается лишь логически связным объединением готовых фрагментов текста. И, поскольку в данном случае нашей целью не является углубление в проблемы, препятствующие синтезировать необходимый алгоритм, нет смысла в подробной аргументации: почему логический разум недостаточен для создания литературного шедевра. Невозможно, тем не менее, не отметить вполне очевидное: одновременно с распространением цифровизации все большую популярность приобретают идеи, что сочинительство по инструкции неизбежно приводит к писательскому, а в более широком смысле — к творческому успеху. Понимание сущности творчества при этом все больше определяется экономическим тоталитаризмом, характерным для общества потребления, а вполне достижимый физический и душевный комфорт² отождествляется в нем со счастьем — практически неизмеримым явлением.

В основе любого искусства лежит овладение техническим мастерством, и само его понятие восходит к древнегреческому «технэ». Безапелляционно позитивный, техницистский подход к художественному творчеству по этой причине не есть нечто случайное. Вспомним, однако, упомянутый роман Томаса Манна. Адриана Леверкюна, молодого композитора, делает гением неразрешимое жизненное противоречие — трагическая любовь... Леверкюн влюбляется в проститутку, заражается сифилисом, но находит духовное спасение в творчестве: пишет музыку, зная, что отныне ему отмерено мало времени, и ни о чем не жалеет.

---

² Существуют и противоположные тенденции, проявившиеся в последние годы. Речь идет о противопоставлении либеральной этики религиозному фундаментализму. Значимой идеологической альтернативой «обществу потребления», за исключением локальных эффектов, его вряд ли можно назвать.

Противоречие, развитие, творчество

Жизненную драму, подобную романной истории Леверкюна, не следует, разумеется, оценивать, как обязательное условие творческого триумфа. Но, являясь, как было сказано, жесткой дилеммой — выбором между любовью и жизнью, эта коллизия не может не напомнить о подходе, согласно которому в основе культуры лежит противоречие, трактуемое как источник развития. (Автор концепции — В.С. Библер.) Можно заметить, что идея эта, в общем-то отнюдь не нова, ее репрезентацию мы находим уже у Гегеля, а диалектический закон борьбы и единства противоположностей восходит к учению древнего философа Гераклита. Вместе с тем, если учитывать по сути культурологический смысл концепции, именно связь противоречия не с абстрактно понимаемым развитием, а с конкретным историческим процессом и не отделимым от него культурным производством является самой значимой в данном случае. Субъектом творчества всегда является человек, некто, преследующий свои личные интересы, и подобное понимание истоков общественной практики в современной философии общепризнанно.

Соотнесение культурного противоречия с культом счастья (пусть «счастье» — понятие неопределенное, и обсуждать его мимоходом, еще раз отмечу, проблематично), позволяет заметить. В различных информационных средах сегодня широко заявляет о себе стремление полностью избежать психологических рисков, а расширяющий сознание «выход из зоны комфорта» отнюдь не предполагает таких опытов, как личная жертва, нравственный героизм... В то же время именно принцип усилия, получивший отражение в одном из библейских текстов, можно назвать краеугольным камнем христианской культуры, удачно заменившей им принцип агона как всего лишь «мирского», суетного соревнования. «От дней же Иоанна Крестителя донныне Царство Небесное силою берётся, и употребляющие усилие

восхищают его»³: великое произведение, если развить эту мысль в сферу философии творчества, не только рождается из опыта духовного преодоления и связанного с ним внутреннего противоречия, каковым является, например, экзистенциальный опыт столкновения со смертью — этой неизбежной, всегда интимно личной и одновременно общечеловеческой трагедией. Оно еще и призвано сдирать защитный скафандр, натягиваемый на сознание прагматическим человеком, ищущим прежде всего безопасности, но при этом безбожно упрощающим свою жизнь и сужающим канал восприятия опыта.

Мысль, что путь к продуктивным состояниям пролегает через некий, всегда уникальный, опыт преодоления, опыт борьбы и усилий, сегодня и не популярна, и, что говорить, в философском отношении очевидна, как закон всемирного тяготения. Проблему источника творчества следует соответственно уточнить, раскрыв ее как вопрос: в чем же заключается противоречие, требующее преодоления? В каких понятиях выражается этот опыт? Как именно пробиться к творческим озарениям? И, как итог, почему творчество по алгоритму бессмысленно?

Противоречие и его жесткая форма конфликт, как мы отметили, ключевые понятия для европейской философии⁴, но ими оперирует и современная психология⁵. В последнем случае речь идет о внутри-

---

³ Мф.11:12,13.

⁴ В отечественной научной литературе исследованию конфликта, как в самом общем смысле, так и в связи с творчеством, посвящены работы Е.Б. Черняк, Н.В. Крогиуса, И.М. Киселева, И.М. Качаловой, А.С. Кармина.

⁵ Близкое осмысление психологических конфликтов было предложено в конструктивной психологии (Е.И. Головаха, П. Щедровицкий, Б.И. Хасан и др.). Развитие, внутренняя динамика, согласно этому учению, и есть не что иное, как внутреннее противоречие, поэтому понимание личности как динамической системы обуславливает присутствие в ней противоречия как неотъемлемого ее в конструктивной психологии атрибута. В этом русле формируется понимание противоречия как источника развития личности: нравственное развитие неотъемлемо от внутриличностного конфликта. Концепция когнитивизма исследует подобные душевные состояния, называя их «когнитивными диссонансами», и предлагает их разрешение с помощью «приведения наших представлений о должном» (нашего взгляда на мир) в соответствии с сущим, «действительной картиной мира» [Фестингер 1999].

личностном конфликте, проявляющемся и в эмоциональном, и в социальном плане. Для понимания источника творчества этого, разумеется, недостаточно. Социально и личностно обусловленные конфликты всегда имеют некое конкретное эмпирическое содержание, и наилучшим инструментом для их анализа представляется ценность.

Рассмотрим, на каких основаниях.

Специфика ценностного конфликта. Неразрешимость как его сущность

Ценность, трактуемая как инструмент познания, теоретический итог новоевропейской философии 18—19 столетий. Уже к началу 20 века в этом концепте закрепляется представление об особом виде отношения к миру, несводимом к теоретическому. Согласно аксиологам-классикам, акт ценения имеет эмоциональный исток, и потому понимается как неотделимый от экзистенции: не от субъекта (терминология, сложившаяся в классической гносеологии, в данном случае становится недостаточной), но, что точнее, от конкретной личности. Ценность не только мыслится, но и проживается, иными словами. Как придание значимости объекту субъектом, она по сути означает утверждение объекта в бытийственном плане, и, трактуемая таким образом, соприкасается с идеей любви, берем ли мы последнюю в эротическом или универсальном смысле: ценность включает в себя любовь-утверждение, а любовь — чувство индивидуальное⁶. В связи с темпоральностью личного переживания сформулировано одно из наиболее удачных, на мой взгляд, определений ценности в отечественной аксиологии. В.К. Шохин определяет ценность как *«одну из основных понятийных универсалий философии, означающих в самом общем виде невербализуемые, “атомарные составляющие” наиболее глубокого слоя интенциональной структуры личности — в единстве*

---

⁶ По этому пути осмысления ценностей идет М. Шелер, излагая свое учение в трактате «Порядок любви» [Шелер 10.10.2014].

предметов ее устремлений (аспект будущего), особого переживания-обладания (аспект-настоящего) и хранения своего достояния в тайниках сердца (аспект прошедшего), — которые конституируют ее внутренний мир как уникально-субъективное бытие» [Шохин, Ценности, 2001].

Если выделить самое главное, ценность, говоря коротко, имеет интуитивный исток; укоренена в эмоциональной реальности; не отделима от волевого начала и требует быть реализованной в поступке. В философии исследуется как объект теоретического познания.

Для понимания сущности ценностного конфликта важно при этом отметить и такую особенность ценности, как субстанциальность. Каждая ценность абсолютна по своему значению: иными словами, открыв для себя конкретную ценность, человек не может не действовать в соответствии с ней. Этим ценности сущностно отличаются от логических понятий, но, как объекты рефлексии, могут быть выстроены в иерархию: самостоятельность каждой ценности не отменяет соподчиняющих связей между ними. Идея иерархии ценностей была впервые предложена Эдуардом фон Гартманом и развивалась в школе материальной аксиологии⁷.

Онтология ценностей, таким образом, определяет сущность ценностного конфликта. А сущность его заключается в том, что перед нами конфликт неразрешимый. Ведь каждая ценность требует реализации в силу своей дуальной природы: она является одновременно и

---

⁷ В отечественной науке есть ряд исчерпывающих работ по истории аксиологии, детально анализирующих процесс становления мышления в категориях ценности. Помимо классических для аксиологии философских сочинений (Г. Лотце, Фр. Brentano, В. Виндельбанд, Г. Риккерта, Э. фон Гартмана, М. Шелера. Н. Гартмана, Ю. Тишнера) заинтересованные читатели могут обратиться к трудам С.Ф. Анисимова, А.Л. Микешиной, М.С. Кагана, Л.Н. Столовича, В.К. Шохина. Теоретический фундамент концепции ценностного конфликта как источника творчества составляют, в частности, сочинения по ценностной проблематике П.П. Гайденко [Гайденко 2003], Н.С. Розова [Розов 1998], Ю.В. Перова и В.Ю. Перова [Перов Ю.В... 2002], трактаты представителей классической аксиологии М. Шелера [Шелер 1994] и Н. Гартмана [Гартман 2002], [Гартман 2004]. В ряду изданий, посвященных аксиологии, особо следует отметить антологию «Аксиология, или философское исследование природы ценностей» [Аксиология... 1996].

объектом мысли, и основанием для поступка, и даже целью для конкретной профессии (экономики, науки, искусства...). Переходя в момент ее осознания из реальности мыслимого в реальность практическую, ценность не только срастается с эмоциональной личностью, но и приобретает качество долженствования. В ситуациях ценностного конфликта, как следствие, возникает жесткая дилемма, которая подразумевает, что, даже сделав выбор, мы не решим проблему и неизбежно проваливаемся в колодец страдания. В практической сфере невозможно реализовать одновременно ни две ценности разных классов, ни две близкие по значению ценности: утилитарное в практическом плане, к примеру, может исключать прекрасное. Не реже в ситуациях взаимоисключения сталкиваются ценность этическая и эстетическая. На подобный конфликт ценностей указывает уже осознанная цивилизованными людьми проблема разведения животных ради производства меховых изделий, в современных условиях все более приобретающих исключительно декоративный смысл.

Принципиальная невозможность синтеза, полярность, при которой противоположные полюса не совпадают ни при каких условиях, отличается, в итоге, ценностный конфликт от конфликта диалектического. Две ценности находятся в активном напряженном аспекте, соответствующем жесткой противоречивой ситуации, определяемой этой парой ценностей, — когда вопрос ставится либо-либо: либо поступать согласно проявлению, которое определяет ценность **A**, принеся в жертву все хорошее, что определяет ценность **B**, и, получив в результате все самое худшее, что определяет **B**; либо выбрать путь, который дает **B**, и вкусить все худшее, что несет **A**.

Ценностный конфликт, иными словами, подразумевает неосознаваемое субъектом противостояние двух ценностей, соответствующее жесткой противоречивой ситуации, определяемой этой парой ценностей, выбор между которыми невозможен.

Однако в обычной жизни мы не проживаем такие конфликты, не теоретизируем об их ценностном смысле, мы их попросту не замечаем и продолжаем действовать без нравственных терзаний и эмоциональ-

ных потерь. Мы становимся художниками и не огорчаемся, что теперь, к примеру, мы не состоимся в качестве ученого или экономиста. Но бывает, сама жизнь сталкивает людей с опытом неразрешимых конфликтов, требуя выбирать, что ценнее.

Так, подобная ситуация становится главным конфликтом романа Уильяма Стайрона «Выбор Софи» [Стайрон 1993]. В фашистском концлагере Софи может сохранить жизнь только одному из своих двоих детей. Перед ней стоит выбор по сути означающий отсутствие выбора. Выбор — немыслимый, невозможный, не только для матери, но и в любой ситуации, требующей спасти одного из двух перед лицом смерти, и, хотя такое решение может быть оправдано прагматически (лучше спасти одного, чем не спасти никого), с точки зрения ценностного познания сделать подобный выбор означает попать абсолютную ценность человеческой жизни, сделать шаг в область антиценностей — того, что губельно для человечества. Когда выбор проживается как выбор в отсутствии выбора, он неизбежно сопряжен с нравственным разрушением: ведь ценность, с которой связан целый спектр ментальных актов (ценностная интуиция, ценностное чувство, ценностное переживание и только потом, в итоге, ценностный выбор и ценностное отношение⁸), глубоко укоренена в экзистенциальных основах личности. Иными словами: выбор делается — проживание трагедии остается.

Личная катастрофа, в которую сталкивает опыт ценностного конфликта, что важно, изначально разворачивается в практической сфере: психологический кризис сопровождается пассивным отчаянием — «болезнью к смерти», как назвал подобное состояние Кьеркегор.

---

⁸ В современной аксиологии «ценностная интуиция», «ценностный выбор» и «ценностное отношение» — устоявшиеся понятия. Однако очевидно, что ценностное познание носит процессуальный характер, как бы проступая из иррационального в рациональную сферу сознания, и может быть выражено в том числе в понятиях «ценностное чувство», «ценностное переживание». Более подробный смысловой анализ этих понятий ценностного мышления представлен в работе Е.В. Янушевской «Основные термины аксиологии: краткая памятка» [Янушевская 2019].

Душевное напряжение приближает состояние, когда не остается сил для нравственной борьбы. Открыв для себя наиболее трагические воплощения ценностного конфликта, логично задаться вопросом. Возможно ли в ситуации Софи сделать выбор и не сойти с ума?

«Квантовый скачок» сознания. Новая ценность.
Преодоление

Известно, что один из главных атрибутов творчества в смысле продукта — его новизна, в смысле процесса — неповторимость. Чем уникальней добытый творческим усилием смысл, тем выше его ценность. Тем ближе творческое действие к сущности творчества. Создавая новый смысл, мы преобразуем реальность, возникающую как феноменологический акт соприкосновения «Я» и «не-Я». И чем «неразрешимей» вынуждающая к поиску решения — нового смысла — ситуация, тем больше вероятность изобретения радикально нового смысла.

Личностные ресурсы, позволяющие человеку в ситуации ценностного конфликта выйти из жизненного тупика [См.: Гизатуллина 1990], могут исследоваться в нейробиологии, в психологии, могут стать предметом междисциплинарного изучения. Несмотря на популярные сегодня разоблачения философских понятий «субъекта» и «личности», феноменологически мы воспринимаем себя не как ансамбль несводимых функций сознания, производимого мозгом, не как систему биологических процессов, а как динамику состояний, которыми все-таки мы способны управлять в отношении к осознанно определяемым целям. Не следует недооценивать то обстоятельство, что развитый человек имеет потребность осознавать себя, воспроизводить и сохранять себя как мыслящее и эмоциональное существо, ориентирующееся в мире с помощью в том числе ценностного мышления. Мозг не производит «смысл жизни», но, как бы этот вопрос не решался, он имманентен интеллекту, а значит, является частью эволюционной программы. Соответственно и вопрос о возможностях решения экстремального опыта вполне осмысляем в категориях философии. А философски мы

имеем все основания понимать личность как процесс, как бесконечное балансирование между надеждой и отчаянием, между экзистенциальным ужасом и духовным подвигом, между прошлым и будущим, возможным и невозможным. В своей психологической основе творчество имеет иррациональную, волевою и одновременно трансвовую природу; сопряжено с измененными состояниями сознания. В рамках рационального познания, что очевидно, описывать их довольно сложно: мы имеем дело с реальностью, для исследования которой язык европейской науки практически непригоден. Приблизиться к выражению подобного опыта на языке философии мы тем не менее можем: установив, в частности, что бытие-к-будущему должно пониматься как важнейший экзистенциал. И пониматься не только как бытие к неизбежной физической смерти, но и как бытие-к-невозможно-возможному-бессмертию в культурной памяти. Логически этот неоднородный и неравномерный процесс бытия-к-будущему может быть определен как процесс поиска и осмысления возможностей, их усмотрения в том числе в том, что на каком-то этапе представляется невозможным. Движение к расширению границ возможного — именно то, что демонстрирует нам человеческая история; диалектически оно означает переход в состояние действительного из «модальности» невозможного: от освоения космоса до отодвигания старения, клонирования и «цифрового» бессмертия. К скачку сознания — переключения оценки с невозможного на возможное — сводится вся философская антропология и, что осознается в меньшей степени, что не так очевидно, гносеология⁹. Жизнь человека, таким образом, разыгрывается между двумя мыслимыми полюсами: могу — не могу, смогу — не смогу, возможно — невозможно, будет — не будет, есть будущее — нет будущего.

---

⁹ Значение модальности возможного для современной философии анализируется в статье М. Эпштейна «К философии возможного» [Эпштейн 1999], а также в монографии с близким названием — «Философия возможного» — 2001 года. Мотивация и формулировка целей являются базовыми понятиями в психологии личности. Однако, что интересно, мы не имеем ни когнитивной, ни антропологической теории о том, что, формируя наше мышление, идея будущего по сути лежит в основе нашего существования — как концентрация волевого импульса, перетекающего в становление, а значит, связанного с субъективно-психологическим переживанием течения времени.

Переход от мышления с точки зрения невозможного к мышлению с точки зрения возможного при этом необязательно должен иметь положительный смысл. Существуют примеры, когда изначально оцениваемое в рамках невозможного-неприемлемого приобретает противоположный смысл и получает положительную оценку: такова практика эвтаназии. Но применительно к проблеме источника творчества это может быть выражено и так: когда в силовом поле духовного напряжения личность открывает для себя возможность мысли о выходе из тупика, она получает шанс: во-первых, перевести опыт из сферы экзистенциального в сферу рефлексии; во-вторых, как следствие, начать осознавать его как столкновение двух ценностей — перестав проживать их как столкновение двух «слепых» волевых импульсов; наконец, найти перспективу нового видения ситуации, устремиться в новую перспективу самоосуществления. Инструментом подобного преобразования становится открытие субъектом новой ценности, относительно которой ценностный конфликт в конкретной эмпирической ситуации теряет смысл, не переставая, тем не менее, существовать в качестве логической структуры. Его практический смысл заключается именно в том, что, проживаемый как распятие двумя противоположными импульсами, не осознаваемый до времени, он не может не выталкивать сознание в поиск новой духовной перспективы, в которой субъекту открывается новая точка обзора, новое понимание.

В терминах ценностного познания, как было сказано, подобный интеллектуальный акт можно назвать открытием новой ценности, ведущей, как следствие, к расширению и перестройке доступного субъекту ценностного универсума, но с одной оговоркой: в границах, отделяющих ценность от антиценности. Интеллектуальный поиск принципа, на основании которого будет преодолен (утратит свое значение) ценностный конфликт по сути всегда является нравственным риском. И тем не менее способность отказываться от предубеждений, осознавать, что каждая жизненная ситуация — уникальна и может быть осознана как данность, необходимая для культурного освоения новой ценности, — важнейшее условие ценностного познания. Способность

увидеть возможное в невозможном, готовность, несмотря на сопротивление общественной среды, сделать уникальный опыт предметом коммуникации, по-видимому, является некой нулевой точкой вхождения в перспективу творчества, соответствует формированию нетривиального сознания, неотъемлемого от личности творца.

Таким источником нетривиального опыта, к примеру, можно назвать ситуацию античного поэта Катулла, автора известных строк «И ненавижу ее, и люблю» (*Odi et amo*). К моменту своего разрыва с Клодией Пульхрой, фигурирующей в стихах Катулла под именем Лесбии, Гай Валерий Катулл уже был известным в Риме поэтом, но именно личная драма — конфликт любви и нравственной ценности (Клодия оказалась беспринципной развратной женщиной), можно предположить, вытолкнули его на вершину творческих возможностей, к перевороту римской поэтической традиции в его эпохальном двустишии [Катулл 1999]¹⁰:

*Odi et amo. Quare id faciam fortasse requiris.
Nescio, sed fieri sentio et excrucior.*

Таким же непростым был, как известно, жизненный путь Федора Достоевского, но именно «некомфортный психологический опыт» вблизи эшафота и каторга сделали его, как мы знаем, первооткрывателем новых истин о человеке.

Ценностный конфликт и культура

Трудно представить, по какой логической, ценностной траектории движется поиск решения в ситуации, подобной той, в которой сделала свой выбор литературная героиня Софи (как и многие реальные, не литературные матери — жертвы фашизма, жертвы Голодомора, жертвы Блокады). Но совершенно обоснованно предположение, что и в подобном аду отыскивается смысл и ценностный аргумент, сохраняющие личность и возвышающие жизнь. Доказательством уместности

---

¹⁰ Таким образом роль Катулла в истории мировой литературы оценивает, в частности, М.Л. Гаспаров в статье «Катулл, или Изобретатель чувства» [Гаспаров 1997].

этого предположения можно считать осмысление опыта выживания в «лагере смерти» Виктором Франклом [Франкл 2002]. Здесь мы с необходимостью возвращаемся к идее Библера, лежащей в основе концепции ценностного конфликта как источника творчества. Найти в себе духовные силы и выжить, переключить сознание (будь то озарение, инсайт, «квантовый скачок» сознания, медитация, логический анализ или героическая саморефлексия) в русло мышления о возможном, искать и найти нравственные ресурсы — значит включиться в творческий процесс, в добывание своего нетривиального опыта, в построение радикально обновленного субъекта, для которого ценностный конфликт, воплотившийся в конкретном жизненном испытании, станет неактуальным. Возможно, итогом подобного усилия станет лично значимое открытие новой ценности. Возможно, открытие ценности — ждавшей своего часа в мыслимом царстве ценностей¹¹, чтобы наконец стать открытием для целой нации, целой культурной эпохи, для всего человечества.

Список литературы

1. Аксиология, или философское исследование природы ценностей. Культурология, XX век. Антология. М., 1996.
2. Гайденко П.П. Научная рациональность и философский разум. Познание и ценности. Гл. IV. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
3. Гартман Н. Эстетика. Киев: Ника-Центр, 2004.
4. Гартман Н. Этика. СПб.: Владимир Даль, 2002.
5. Гаспаров М.Л. Катулл, или Изобретатель чувства // Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. I. О поэтах. М., 1997.
6. Гизатуллина Д. Противоречие как источник развития личности // Конфликт в конструктивной психологии: Сб. науч. тр. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1990.
7. Каку М. Будущее разума. М.: Альпина нон-фикшн, 2019.

---

¹¹ Царство ценностей — понятие, используемое М. Шелером для обозначения вневременной умопостигаемой полноты ценностного познания, открывающейся человечеству в процессе исторического развития и возрастающей духовности.

8. Катулл. Избранная лирика. СПб.: Алетейя, 1999.
9. Перов Ю.В., Перов В.Ю. Философия ценностей и ценностная этика: Вступ. ст. // Гартман. Н. Этика. СПб.: Владимир Даль, 2002.
10. Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1998.
11. Стайрон У. Выбор Софи. СПб.: Лик, 1993.
12. Франкл В. Сказать жизни «Да!». Психолог в концлагере. Альпина нон-фикшн, 2020.
13. Шелер М. Ordo amoris // URL: <http://www.musa.narod.ru/sheler1.htm> (дата обращения: 10.10.2014)
14. Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994.
15. Шохин В.К. Ценности // Этика: Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001.
16. Шохин В.К. Аксиология // Этика: Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001.
17. Шохин В.К. Классическая философия ценностей: предыстория, проблемы, результаты // Альфа и Омега. М., 1998. № 18 (3).
18. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Ювента, 1999.
19. Эпштейн М. К философия возможного. Введение в посткритическую эпоху // Вопр. философии. М., 1999. № 6.
20. Янушевская Е.В. Основные термины аксиологии: краткая памятка // Янушевская Е.В. Век без поэтов. М.: Изд-во МГУ, 2019.